

АРИСТИД ИВАНОВИЧ ДОВАТУР: НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ¹

Деятельность Аристида Ивановича как преподавателя и педагога в ее неповторимом своеобразии не поддается адекватной характеристике в рамках юбилейного доклада. О ней должны рассказать в подходящей форме при подходящем случае ученики юбиляра. Я остановлюсь здесь только на научной деятельности Аристида Ивановича.

Аристид Иванович окончил историко-филологический факультет Саратовского университета и занимался в нашем университете в аспирантуре под руководством Сергея Александровича Жебелева, который и предложил Аристиду Ивановичу темы его научных занятий на десятилетия вперед.

Меру влияния других университетских учителей может определить только сам Аристид Иванович, но я все же решусь назвать здесь имена Софьи Венедиктовны Меликовой-Толстой с ее тончайшим знанием греческого языка и Ивана Ивановича Толстого с его особым вниманием к связи греческой литературы с фольклором.

В сборнике в честь С. А. Жебелева, оставшемся ввиду трудных обстоятельств времени (1926 год) ненапечатанным, но хранящемся в машинописном виде в наших больших библиотеках, была помещена первая работа Аристида Ивановича «К вопросу о влиянии стихотворений Солона на историческую традицию (Аристотель, Афинская Политика, гл.2; Плутарх, Жизнь Солона, гл.13)».

В 1928 году Аристид Иванович публикует в Докладах Академии наук «Заметки к Геродоту» и статью «Киренская клятва основателей», причем во второй статье примечательно сочетание влияния С. А. Жебелева, занимавшегося тогда недавно опубликованными киренскими надписями, с верностью выбранной уже теме самостоятельного исследования, посвященного стилю греческой исторической прозы. Между 1932 и 1937 годами три статьи Аристида Ивановича появляются во французском журнале *Revue des études grecques*.

© А. И. Зайцев, 1997

Но вскоре преступная рука надолго оторвала Аристида Ивановича от науки и от преподавания, так что следующая научная публикация Аристида Ивановича относится уже к 1950 году. В 1955 году Аристид Иванович возвращается в университет, и с этого момента плоды ученых занятий Аристида Ивановича начинают регулярно печататься.

В чем своеобразие, каково значение Аристида Ивановича как ученого? Исследователь греко-римского мира всегда стоит перед удивительным парадоксом: древние в некоторых аспектах своей жизни обнаруживают непонятные нам черты мироощущения, заставляющие для объяснения их прибегать к наблюдениям над психологией примитивных народов. И те же греки или римляне тут же поражают нас удивительным сходством с нами, близостью к тому, что волнует и мучит нас, и мы узнаем в героях повествования Геродота прототипы наших современников, а в рассуждениях Аристотеля — противоречия нашей собственной мысли. Собственные внутренние склонности побуждают одних исследователей античности концентрировать свое внимание на том, что отделяет нас от древних, других — на том, что нас сближает. Эта вторая позиция ярко проявляется в научном творчестве Аристида Ивановича. Занимаясь Геродотом, Аристид Иванович концентрирует внимание не на вопросе о вере Геродота в губительные последствия зависти божества, а на особенностях рождающегося стиля исторической прозы.

В творчестве Аристотеля Аристид Иванович видит и исследует с видимым сочувствием, идущим от понимания, его политическую систему, последовательную, хотя и ограниченную, в то время как исследователи иного склада ума пытаются разобраться в полных иррациональных парадоксов построениях пифагорейцев или Эмпедокла. Метод Аристида Ивановича — это метод филологического, всестороннего анализа текстов или надписей, где внимание к языку и художественной форме идет рука об руку с тщательным рассмотрением исторической обстановки, учетом всех так называемых реалий, с проникновением в ход мысли, в весь внутренний мир рассматриваемого автора. Всеми выдающимися достижениями классическая филология и древняя история обязаны тем ученым, которые сочетали в себе

глубокое понимание внешней формы текстов не только с энциклопедическим знанием всех сторон жизни древнего мира, но и с умением оживить этот мир в своем сознании. А это дается только тем, кто умеет смотреть открытыми глазами на окружающую его жизнь, ибо единственное общество, доступное непосредственному восприятию каждого из нас, это то общество, в котором мы живем, и тот, кто слеп к делам окружающих его людей, никогда не поймет ни одной из эпох прошлого. Аристид Иванович превосходно сочетает в себе эти качества, и его научное творчество представляет собой не перестающий вызывать удивление органический сплав филологической акрибии с не менее драгоценным здравым смыслом. Пытаясь как-то проскользнуть между Скиллой комментированного перечня трудов Аристида Ивановича и Харибдой общих рассуждений, я остановлюсь на итогах двух направлений многолетних научных изысканий Аристида Ивановича, выкристаллизовавшихся в виде монографий «Повествовательный и научный стиль Геродота» (1957) и «“Политика” и “Политии” Аристотеля» (1965).

Но сперва одно отступление. В основанной на строгих текстуальных наблюдениях статье, опубликованной в 1957 году, Аристид Иванович обращается к «Запискам о Галльской войне» Юлия Цезаря и, в частности, к рассказу Цезаря о войне с гелльетами. Литература этого вопроса поистине необозрима, и Аристиду Ивановичу, естественно, пришлось дать на нее ссылки лишь выборочно. И вот весьма характерным представляется тот факт, что, опуская по необходимости ссылки на ряд своих предшественников, Аристид Иванович внимательно останавливается на соображениях по поводу войны Цезаря с гелльетами, высказанных в заточении на острове Святой Елены императором Наполеоном I. Он отмечает, насколько взгляд полководца Наполеона оказался более зорким, чем суждения современных ему профессиональных историков. Я решусь утверждать, что Аристид Иванович и сам не раз лучше других понял Аристотеля, потому что нашел внутри себя такие ключи к мысли Аристотеля, какими располагал в личном военном опыте Наполеон по отношению к войнам Цезаря.

Перейдем теперь к книге Аристида Ивановича о Геродоте, вышедшей в 1957 году (хотя одна из ее руководящих идей сформулирована Аристидом Ивановичем уже в его статье 1928 года). Это единственная русская монография (после книги В. П. Клингера «Сказочные мотивы в истории Геродота». Киев, 1903) — исследование одного из аспектов «Истории» Геродота. Как отмечается в предисловии, к 20-м годам нашего века была установлена стилистическая неоднородность «Истории» Геродота. Некоторые ее части, воспринявшие фольклорный материал, сохраняют стилистические особенности устного творчества. В других частях «Истории» мы обнаруживаем иной — научный — стиль, судя по всему, воспринятый Геродотом от представителей ранней ионийской научной прозы. «Генезису научного стиля греческой историографии» и посвящена первая глава труда Аристида Ивановича. Умение удивляться, умение увидеть проблему является залогом движения науки вперед. И в данном случае давно сделанное предположение о том, что научный стиль Геродота восходит прежде всего к ионийским «логографам», вполне подтверждается даже на материале тех скудных отрывков древнейшей ионийской прозы, которыми мы располагаем. Но задача этим еще не решается. Остается вопрос, каков первоисточник этого стиля, откуда взял эту манеру изложения, скажем, первый из известных нам историков Гекатей Милетский. Эта манера изложения отличается простотой и однообразием (так называемая *λέξις ειρομένη* 'нанизывающая речь'), обилием сжатых описаний-перечней без следов столь характерной для последующих периодов истории греческой прозы риторической техники. Казалось бы, какие еще особые источники нужно искать для генезиса столь безыскусственного способа выражения? Но у Аристида Ивановича мы встречаем замечательную фразу: «Наблюдения над обыденной речью приводят к заключению о том, что умение излагать просто, ясно, деловито, последовательно, без прикрас и необоснованных отклонений приходит не сразу: оно предполагает известную вышколенность ума и предварительное усвоение определенных навыков». ² Факт бесспорный, отлично известный лингвистам. В подтверждение его Аристид Иванович мог бы легко сослаться на авторитетней-

шие источники. Между тем мы не находим у Аристида Ивановича, всегда тщательно цитирующего своих предшественников, подтверждающей ссылки. Причина здесь в том, что это общеизвестное положение, если бы оно было просто воспринято Аристидом Ивановичем со стороны, едва ли бы дало ему ключ к раскрытию истоков стиля Геродота. Сформулированное Аристидом Ивановичем положение о трудности овладения простой ясной речью явилось для него, конечно, результатом его личного опыта. Нужно было многие годы размышлять об особенностях стиля Геродота, нужно было изо дня в день страдать от беспомощности и письменной и устной речи малообразованных людей и, самое главное, нужно было суметь соотнести друг с другом эти принадлежащие как бы к двум разным мирам факты. Все это было необходимо для того, чтобы понять, больше того — почувствовать, что мы не можем признать простоту и безыскусственность ранней исторической прозы чем-то само собой разумеющимся.

И это недоумение породило ответ: истоки научного стиля греческой историографии нужно искать в языке деловой, документальной письменности той эпохи. Но для того чтобы прийти к этому ответу, необходимо было провести систематическое сопоставление текста Геродота и отрывков из его предшественников с единственными дошедшими до нас памятниками греческой деловой прозы той эпохи — с надписями VII—V вв. до нашей эры. Далеко не все, даже крупные, филологи и историки одинаково хорошо владеют и литературным и эпиграфическим материалом. Аристид Иванович блестяще провел требовавшиеся сопоставления. Параллелизм в стилистических особенностях оказался убедительным доказательством в пользу того, что искусство прозаического повествования родилось из практических потребностей общественной и частной жизни. То, что мы знаем о жизни Гекатея и Геродота, подтверждает принадлежность этих историков к тем кругам, где должно было практиковаться недавно родившееся искусство деловой прозы.

Следующим шагом в исследовании Аристида Ивановича оказывается исследование используемой Геродотом социальной и политической терминологии. При этом сам факт

наличия у Геродота такой терминологии отнюдь не принимается за нечто само собой разумеющееся (чем грешат подчас исследователи отдаленных от нас эпох). Известная стабильность геродотовского словоупотребления в рассматриваемой сфере, стабильность, которая одна только и дает нам право говорить о терминологии, устанавливается в самом ходе исследования. В этом исследовании сопоставление Геродота с данными надписей оказалось бы совершенно недостаточным.

Здесь вступает в свои права изучение словоупотребления Геродота в его сходстве и различии с языком греческой поэзии VIII—V вв. до н.э. При этом греческая поэзия привлекается здесь не как самостоятельный объект исследования, а как материал для суждения о словоупотреблении обиходной, живой речи, которое недоступно непосредственному изучению. Трудности, связанные с этим обиходным путем, успешно преодолеваются Аристидом Ивановичем с полным учетом художественных особенностей древнегреческой поэзии. Безошибочно выделяя из разнообразных поэтических памятников от Илиады до фрагментов Евполида те случаи, когда слова типа *ἀγαθός*, *ἐσθλός* и, наоборот, *κακίων*, *δειλός* и тому подобные служат средством социальной характеристики, а не моральной квалификации, делая тонкие, но абсолютно необходимые различия между местами, где о тиранах говорит от своего имени сам Геродот, и местами, где Геродот цитирует оракул или в новелле о Поликрате приводит обращенные к Поликрату слова рыбака, Аристид Иванович реконструирует из мозаики всех доступных нам источников ряд черт словоупотребления обиходной речи и на их фоне показывает становление в трудах Геродота и его предшественников подлинной политической терминологии. Так перед нами раскрывается, в частности, история слова *τύραννος* и его синонимов, из которых именно *τύραννος* превратилось в документальной прозе, а затем и в историографии в политический термин.

Переходя от рассмотрения научного стиля Геродота к исследованию особенностей его повествовательного стиля, Аристид Иванович опирается на исследования своих предшественников, прежде всего В. П. Клингера и Вольфа Али. Задачей Аристида Ивановича оказывается не доказательство

фольклорных источников и сюжета множества рассказов Геродота и особенностей стиля этих рассказов, что, в общем, было уже сделано. Решен был уже раньше положительно Вольфом Али и вопрос об оригинальности Геродота, проявившейся во внесении им в свой труд вместе с новеллистическим материалом и элементов фольклорной поэтики, чего не делали его предшественники логографы. По словам Аристиды Ивановича, «в их передаче эти рассказы почти утрачивали свою специфическую физиономию, превращаясь в сухое изложение фактов...».³ Но и Геродот пользуется фольклором, как это показывает Аристид Иванович, преимущественно городским фольклором, не механически. Фундаментальным для Аристиды Ивановича является положение (цитирую): «Направляющей линией в истории Геродота в том виде, в каком мы читаем ее сейчас, является исследовательский интерес».⁴ Соответственно главное внимание обращено Аристидом Ивановичем на то, как Геродот использует фольклорный, преимущественно новеллистический материал, как он подчиняет его своим целям, какие деформации претерпевает этот материал у Геродота.

Аристид Иванович отрицает переработку его Геродотом в духе какой-то определенной идеи. По его словам, «исторические рассказы, отовсюду собранные, несли с собой неодинаковую философию истории. Геродот не чувствовал потребности подвергнуть их какой-либо существенной переработке в смысле примирения или сведения к единству разнообразных и противоречивых точек зрения на движущие силы, лежавших в основе разных преданий. Не в этом направлении следует искать специфические следы работы Геродота над использованным им фольклорным материалом».⁵ Следы эти Аристид Иванович обнаруживает прежде всего в особом рода вставках в передаваемую новеллу, так называемых парентезах, знакомых и фольклору, но принимающих у Геродота в наиболее типичных случаях форму «ученого примечания». Этим «ученым примечаниям» Геродота свойствен «научный стиль», в них содержится разнообразный географический, этнографический, государственно-правовой, исторический материал, часто в гораздо большем объеме, чем это необходимо для понимания передаваем-

мой новеллы. Так, к рассказу о выдаче лидийца Пактия дается совсем необязательное примечание — справка об оракуле в Бранхидах. По словам Аристиды Ивановича, ученое примечание — первый гетерогенный элемент, проникающий у Геродота внутрь новеллы. Но у Геродота есть случаи, где результаты научного исследования внедряются более органически в рассказ устного происхождения. Так, в рассказе о пребывании Аристагора в Спарте введена характеристика народов, живших на пространстве от Ионии до Суз. Но характеристика эта вложена в уста самого Аристагора, демонстрирующего спартянцам географическую карту и дающего необходимые пояснения. Наконец, Аристид Иванович прослеживает у Геродота пути дальнейшей трансформации новеллы, превращающейся в одних случаях в сухой конспект, а в других — остающейся подробным повествованием, однако утрачивающей свой фольклорный колорит.

Как я уже сказал, другим предметом неустанныго внимания Аристиды Ивановича с самого начала его научной деятельности были политические сочинения Аристотеля, описательные политики — описания государственного устройства греческих городов, и теоретическое — «Политика». Монография «“Политика” и “Политии” Аристотеля» подвела в 1965 году предварительные итоги этим многолетним занятиям Аристиды Ивановича. Первую задачу этой монографии автор сам формулирует как «попытку связать отражающиеся в “Политике” Аристотеля взгляды с его отношением к главе Македонской державы и надеждами, возлагавшимися им на своего ученика»⁶ — Александра Македонского. Решение этой задачи затруднялось тем, что Аристотель по разным причинам избегал прямо касаться в «Политике» актуальных проблем и отношение Аристотеля к происходившим или назревавшим событиям пришлось реконструировать из его рассуждений на общие, теоретические темы. Для Аристиды Ивановича Аристотель — мыслитель реалистического склада, и, если бы он не был таким, Аристид Иванович едва ли избрал его творчество в качестве предмета своих многолетних изысканий. Но этот реалист выступает в «Политике» как теоретик идеального государства. Из этих посылок закономерно вытекает догадка о том, что Аристотель

должен был питать какие-то надежды на осуществление своих проектов в обозримом будущем. Но догадка эта и оставалась бы лишь догадкой, если бы Аристид Иванович не подтвердил ее скрупулезным филологическим анализом текста «Политики», и прежде всего решающего места, где Аристотель говорит о государственном деятеле, не называя его имени, который, оказавшись во главе Эллады, один только позволил убедить себя дать городам Эллады то самое «среднее» государственное устройство, которое Аристотель считает идеальным. Место это было загадкой для исследователей прежде всего из-за неправильного понимания греческого выражения $\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma\ \tau\acute{o}\nu\ \pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ \epsilon\acute{\rho}\ \eta\gamma\epsilon\mu\omicron\nu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$, заставлявшего большинство ученых искать этого замечательного мужа среди деятелей прошлого, и только Аристиду Ивановичу удалось понять действительное значение родительного падежа $\tau\acute{o}\nu\ \eta\gamma\epsilon\mu\omicron\nu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ — не партитивное-разделительное, а сепаративное-отделительное. Аристотель говорит не об одном из прежних гегемонов Эллады, а о единственном ее идеальном гегемоне, противостоящем всем прежним. Только так можно удовлетворительно истолковать слова Аристотеля, и «единственным мужем», от которого можно ждать установления идеального строя, оказывается Александр Македонский. Далее, употребленную Аристотелем форму $\sigma\upsilon\nu\epsilon\lambda\epsilon\iota\sigma\theta\eta$ Аристид Иванович убедительно интерпретирует как настоящий пассив и тем самым придает ей значение «дал себя убедить», так что вырисовывается отчетливый намек на самого Аристотеля, убедившего Александра дать Элладе идеальный «средний» государственный строй и получившего от него соответствующие заверения. Загадочное место превратилось в блестящее подтверждение исходных предпосылок исследователя, а перед нами предстал замечательный, заслуживающий включения в учебные пособия образец точной грамматической интерпретации, поставленный на службу понимания всего произведения в целом в его связи с исторической обстановкой.

Как показывает составленный Аристидом Ивановичем очерк грамматики боспорских надписей, Аристид Иванович мог бы написать обширную монографию о греческом генетиве или об употреблении пассивного аориста в медиальном

значении, но предпочел использовать основанное на непрерывном внимательном чтении текстов понимание всех грамматических тонкостей греческого языка как филолог, для которого единичное и неповторимое является не менее ценным объектом изучения, чем общее и закономерное. Обосновав свое положение о том, что Аристотель рассчитывает на содействие Александра в осуществлении своих планов, Аристид Иванович далее показывает, что рассуждения Аристотеля о достоинствах и недостатках того или иного места расположения города получают удовлетворительный смысл, только если считать, что Аристотель имел в виду при этих рассуждениях прежде всего практические перспективы создания греческих городов на оказавшихся в руках Александра пространствах Востока. Когда Аристотель говорит о праве носителя высшей добродетели властвовать над прочими людьми, он снова, как показывает Аристид Иванович, имеет в виду прежде всего Александра. В итоге первая часть монографии приводит нас к выводу: Аристотель с его консервативно-аристократическими симпатиями считал государственный строй всех или почти всех городов-государств Греции неправильным, извращенным, но считал возможным исправление их политической системы под влиянием Александра Македонского.

Вторая часть книги Аристида Ивановича посвящена скрупулезному анализу «Афинской Политии» Аристотеля и сохранившимся отрывкам из других политий. Одним из важнейших результатов этого анализа является положение о том, что политии Аристотеля отнюдь не были, как полагают иногда, простым собранием материала для использования его в теоретическом трактате — «Политике». Факты истории греческих городов были освещены, по крайней мере в большинстве политий, если не во всех, в соответствии с единой схемой: когда-то существовавший правильный, хороший, близкий к идеалу государственный строй был заменен в конечном итоге неправильной формой правления. Таким образом, позиция Аристотеля в «Политиях» оказывается в гармонии с идеалами Аристотеля-теоретика в «Политике». «Политика» показывает, как плохи порядки в современных Аристотелю греческих государствах и как их следует

исправить, а «Политии» рисуют подробно процесс деградации, приведшей к такому безрадостному итогу, но, описывая «правильный» государственный строй в прошлом, тем самым косвенно обосновывают и реальный, не утопический характер лелеемых Аристотелем планов реставрации такого строя в ближайшем будущем.

Еще несколько слов о рассматриваемой нами книге. Уже при исследовании Аристидом Ивановичем новеллистических элементов в ряде «Политий» Аристотеля возникают ассоциации с книгой Аристида Ивановича о Геродоте. Последняя глава книги об Аристотеле, посвященная особенностям стиля «Политий» Аристотеля, прямо возвращает нас к проблемам «Повествовательного и научного стиля Геродота». Являясь закономерным завершением книги об Аристотеле, она представляется мне замечательным дополнением книги о Геродоте, как бы мостиком, скрепляющим воедино и без того на редкость цельное научное творчество нашего сегодняшнего юбиляра.

За последние годы появились в печати статьи Аристида Ивановича и по новой его большой теме — о творчестве Феогнида Мегарского, поэта с редкой в античности непосредственностью отразившего бурные события общественной жизни. Но говорить об этой работе еще не настало время. Равным образом воздержусь я и от по необходимости беглой характеристики многочисленных других научных работ и ученых переводов Аристида Ивановича.

Непозволительно было бы обойти молчанием один важный аспект деятельности Аристида Ивановича как ученого. Аристид Иванович, следуя завету своего учителя С. А. Жебелева, неустанно трудится над воссозданием истории античных обществ на территории нашего отечества — в Северном Причерноморье. Ему принадлежит ряд статей на эту тему, а о доле участия Аристида Ивановича в крупных коллективных трудах — Своде Боспорских надписей (1965) и близком к завершению монументальном комментарии к рассказу Геродота о Скифии — лучше всего могут сказать его сотоварищи по этим трудам.

Я заканчиваю. Аристид Иванович принадлежит к одной из ветвей петербургской—петроградской—ленинградской шко-

лы филологов и историков античности, к ветви, представленной именами Федора Федоровича Соколова и его ученика Сергея Александровича Жебелева. Аристид Иванович, восприняв и продолжив традиции этой школы, дал нам труды, превосходящие глубиной проникновения в духовный мир античности все то, что сделали его предшественники.

Примечания

¹ Настоящая статья представляет собой доклад, прочитанный на юбилейном заседании филологического факультета Ленинградского университета 4 февраля 1972 г.

² Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С.10—11.

³ Там же. С.155.

⁴ Там же. С.151.

⁵ Там же. С.149.

⁶ Доватур А. И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л., 1965. С.4.